

— «Мой Зимний дворец №7»

— «Возвращение блудного сына»

— Из серии «Революция реинкарнации»

«Возвращение блудного сына» Рембрандта — главная картина Эрмитажа. Она стала центром эрмитажной экспозиции в русском павильоне в Венеции, который произвел на Чжан Хуаня очень сильное впечатление. Инстинктивно китайский художник берет для своей работы только ее уравновешенную центральную часть, «отрезав» старшего сына — элемент тревоги и «слишком человеческого» беспокойства. Рембрандт из сложной картины обратно становится иконой — просто Отцом и Сыном, что заставляет вспомнить финальную сцену «Соляриса» Тарковского, где сын тоже один (не считая собаки).

«Революция реинкарнации» связана с тибетским ритуалом «небесного погребения» тьянь цзан. Тибетские буддисты после смерти великодушно отдадут свои тела на съедение птицам — это акт сострадания ко всем существам и путь воссоединения с небом. В буддизме смерть — это не конец, а переходный момент жизненного цикла, за которым следует перерождение. Медитируя, буддисты пытаются избежать перерождения, и тьянь цзан — одна из ступеней на этом пути. Серию картин на тему тьянь цзан Чжан Хуань закончил в 2019 году — в Эрмитаже она будет экспонироваться впервые.

Эрмитажная выставка делится на три раздела по техникам: картины пеплом, «красные» полотна и деревянные рельефы. Последние Чжан Хуань вырезает на старинных дверях, которые приобретает в древних провинциях Китая. В рельефах для Эрмитажа он берет фотографии эрмитажных полотен, которые перерабатывает и дополняет резьбой. В двери под №8 («Мой Зимний дворец №8». — “Ъ-Арт”) он делает свою версию эрмитажной «Мадонны Литга», которая двоятся, словно является одновременно работой Леонардо и Боттичелли, что иллюстрирует старый искусствоведческий диспут об авторстве этого шедевра.

«Мой Зимний дворец №7» — старая деревянная дверь с вырезанным на ее поверхности вариантом знаменитой «Флоры» Рембрандта из Эрмитажа. В версии Чжан Хуаня европейское полотно оживает в китайской резьбе, превращаясь в трехмерный объект. Рембрандтовский педантизм в подборе деталей одежды и аксессуаров оборачивается китайской декоративностью, но беременная Флора-Саския столь же величественна и задумчива. Красные линии разметки резьбы, оставленные нетронутыми на поверхности, отсылают к тревожным «красным» картинам Чжан Хуаня, что, кажется, переключается с биографией преждевременно умершей Саскии.